

Маломерный флот в Переславле

Маломерный флот в Переславле существовал в 20—30-е годы XX века и состоял из шести катеров и десятка барж. Катера таскали баржи с торфом, дровами, плоты по озеру, с той стороны. Между Кухмарем и Урёвом была специальная эстакада и валовая канава. Здесь и загружали баржи, связывали плоты из хвойных пород деревьев. Конечным пунктом прибытия являлась Черноречка (приток Трубежа). Базировались катера против Каморок, где Трубеж разветвляется на Черноречку и основное русло.

Бывало, нагонят полную Черноречку барж и плотов с торфом и древесиной для снабжения топливом и деловым древесным материалом наших городских предприятий. Здесь заканчивали свой долгий и неторопливый путь караваны. Их ставили на прикол вплотную к берегу, после чего начиналась разгрузка барж от торфа и дров, выкатка леса на берег. Делалось это так. Плоты развязывались и разбирались баграми по бревну. От кромки воды на берег (каморский луг) и по берегу до каждого из штабелей леса протягивали две нитки из брёвен, отстоящие одна от другой сажени на две. По образовавшимся рельсам скатывали и вытаскивали брёвна на берег — к штабелям. На вывозке брёвен к каждому штабелю работали две лошади (одну из них в то время звали «Морячка»), управляемые двумя рабочими — конононами.

Упряжка рабочей лошади была до крайности проста. Она состояла из хомута и привязанной к нему длинной верёвки. К свободному концу верёвки прикрепляли большой железный крюк. Этот крюк рабочий одним ловким движением (взмахом) всаживал в торец бревна. Второй коногон проделывал то же самое по другую сторону катков. Потом конононы ударяли в кнуты, и лошади, натянув верёвки, волокли ствол на берег к штабелям. Тащить брёвна было трудно — они были огромные, сырые, неокорённые (неошкуренные). Как ни был я мал в то время, я всё же понимал, как тяжёл и надробен этот труд. На целую жизнь засело это в памяти, вот почему и сейчас мне ясно видится, как низкорослые лохматые лошадёнки, с выпирающими на боках рёбрами, натуживаясь и в такт мелким шажкам, покачивая головами, тянут огромные брёвна.

В обед мужики купались, шумно кидаясь с плотов в стеклянную тёмную воду. Потом все взрослые садились на брёвна перекусить, появлялся из казёнки шкалик водки. Летом я целыми днями пропадал на реке, пристав к шумной ватаге таких же, как я, огольцов. Мы купались по десять раз на дню, ныряли под плоты, наши цыпочные ноги покрыты были слоем пахучей хвойной смолы. На «Каменке» (место на берегу) мы тоже разжигали костёр и варили уху из пойманной рыбёшки. Запомнились мне и песни, которые пели рабочие-плотогоны. Всякие они были, больше тягучие. Но вот эту иногда поют и сейчас:

Здравствуй, милая Маруся, здравствуй, светик голубой.
Мы приехали обратно с Красной Армией домой.
По глазам твоим я вижу, что гуляла без меня.
Карья глазки опустила, сердце бьётся у тебя...

А потом «флот» вытеснила узкоколейка. И долго стояли на берегу трудяги-катера и баржи — пока не сгнили.